СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Игнатов А.В.,
ООО Лукойл-Севернефтепродукт

1. Дж.М.Кейнс или М.Фридмен?

Итак, что же лежало в основе денежно-кредитной политики Центрального банка в 1992-2007гг. – идеи (нео)кейнсианской концепции или же неоклассического подхода?

Если исходить из краеугольного положения концепции Дж.М.Кейнса[1] о нейтральности денег (или супернейтральности в трудах неокейнсианцев[2]), то количество денег в обращении должно расти с темпом, соответствующим темпу роста реального ВВП, то есть

$$\Delta M = \Delta Y ,$$

где ΔM – средний темп приращения денег за длительный период (%);
ΔY – средний темп прироста реального ВВП за длительный период (%).

В рамках неоклассической концепции М.Фридменом было выдвинуто так называемое "денежное правило" сбалансированной монетарной политики[3]. Прирост денежной массы определяется уравнением, согласно которому денежная масса в неоклассическом приближении к истине должна уже расти несколько большими, чем реальный ВНП, темпами

$$\Delta M = \Delta P + \Delta Y ,$$

где ΔP – среднегодовой темп ожидаемой инфляции (%). По Фридмену, это должен быть темп, "очищенный" от инфляции, вызванной государством и профсоюзами. Но поскольку говорить об ожидаемой инфляции, а тем более искать грань, отделяющую "рыночную" инфляцию от "государственной" или "социальной", в нашей стране пока рано, то для расчетов на основе денежного правила Фридмена нами использованы цифры Госкомстата РФ.

Попробуем установить "приверженность" Центрального Банка России идеям какой-либо научной школы с помощью анализа рядов динамики наиболее важных макроэкономических параметров российской экономики в 1989-2007гг. (табл.1).

Согласно уравнению (С) и идее нейтральности денег, должно иметь место примерное равенство между приростом денежной массы и приростом реального ВВП. Это значит, что первую половину рассматриваемого периода денежная масса должна была сокращаться, как шагреневая кожа, и только вторую половину – расти на 5-10% за год.

[1] М.Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во «Гелиос АРВ», 2002. 352 с.
[2] Харрис Л. Денежная теория. М.: Прогресс, 1990. 750 с.
[3] Там же.

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели России за последние 19 лет[1]

Год	Прирост номинального ВВП за год, %	Прирост реального ВВП за год (*Y*), %	Инфляция за год (*P*), %	Расчетный прирост денежной массы, %		Фактический прирост денежной массы, %	Скорость обращения денег
				по Дж.М.Кейнсу (*P*)	по М.Фридмену (*Y* + *P*)		
А	1	2	3	4	5	6	7
1989	1,8	-0,1	1,9	-0,1	1,8	8,9	1,61
1990	10,3	5,3	4,7	5,3	10,3	10,4	1,61
1991	103,1	-21,9	160,0	-21,9	103,1	103,9	1,60
1992	1 361,5	-44,0	2 510,0	-44,0	1 361,5	672,5	3,03
1993	702,6	-14,6	840,0	-14,6	802,6	380,6	5,70
1994	178,4	-11,6	215,0	-11,6	256,1	182,7	7,18
1995	121,8	-4,0	131,0	-4,0	167,1	136,7	8,10
1996	18,1	-3,0	21,8	-3,0	34,9	27,5	8,57
1997	11,9	0,8	11,0	0,8	18,3	30,3	7,78
1998	74,6	-5,3	84,4	-5,3	3,6	3,2	7,81
1999	45,2	6,4	36,5	6,4	66,0	62,9	7,96
2000	32,1	9,9	20,2	9,9	32,1	62,4	6,47
2001	25,4	5,7	18,6	5,7	25,4	40,1	5,80
2002	19,7	4,0	15,1	4,0	20,3	32,3	5,27
2003	20,2	7,3	12,0	7,3	20,2	50,5	4,21
2004	19,6	7,1	11,7	7,1	18,8	35,8	3,71
2005	18,0	6,4	10,9	6,4	17,3	36,1	3,17
2006	17,2	6,8	9,7	6,8	16,5	40,7	2,67
2007	20,7	7,9	11,9	7,9	19,8	35,2	2,46

Однако на всем протяжении рассматриваемого интервала фактические темпы прироста денежной массы не имеют ничего общего с темпами, вытекающими из концепции Дж.М.Кейнса, – а следовательно, говорить о последней как лежащей в основе политики ЦБР не приходится.

Согласно монетарному правилу Фридмена (F), темп прироста денежной массы в обращении должен равняться сумме темпа прироста реального ВВП и темпа инфляции. Подобная картина наблюдается, как это ни странно, в 1989-1991гг. (табл.1), когда денежной политикой занимались Госбанк СССР и Минфин СССР, то есть еще до реформы. Однако на большей части рассматриваемого временного интервала, в том числе и в самый пик экономической реформы (за исключением 2000-2007гг., о чем скажем особо), фактические темпы прироста денежной массы также весьма далеки от темпов, вытекающих из денежного пра-

[1] Источники:
- Российские статистические ежегодники (Госкомстат России). 1990-2006гг.
- Сайт Центрального Банка России (http://www.cbr.ru);
- Россия в меняющемся мире. М.: ИЭА, 1997. С.571-574, 587-590.

Скорость обращения денег (столбец 7) в данном случае есть отношение ВВП к денежной массе. При расчете за базу была взята скорость обращения денег в 1995г. (8,1), и для остальных лет она устанавливалась согласно табл.1-3.

вила Фридмена. Денежно-кредитная политика ЦБР в последние 15 лет лишь временами, и то очень отдаленно, напоминала количественную теорию денег, но никакой ее полноценной реализацией не являлась.

Два слова о 1998-1999гг., когда изменение денежной массы проходило, как было сказано, по схеме, близкой к неоклассической модели. Но усматривать в этом влияние именитой школы было бы забавно: если в 1998г. во главе ЦБР находился г-н Дубинин, и соответственно в политике ЦБР еще можно пытаться найти отголоски монетаризма, то в 1999г. эту должность занимал уже г-н Геращенко, которого как-то сложно заподозрить в симпатиях к неоклассическим идеям. А если учесть, что г-н Геращенко стоял во главе ЦБР до 2002г., и в этот период фактические темпы роста денежной массы в 1,5-2 раза (!) превышали темпы, следующие из денежного правила Фридмена, то правильнее всего будет признать, что ЦБР в лице г-на Геращенко в 1999-2002гг. был тайным противником чикагской школы. Впрочем, и в последующем, вплоть до 2007г., темпы роста денежной массы по-прежнему значительно превышают темп роста номинального ВВП, то есть Центральный банк полностью отказался от монетаризма как идеологической основы денежно-кредитной политики.

Но если политика ЦБР в течение рассматриваемых 15 лет не была ни кейнсианской, ни неоклассической, то какой же она тогда являлась?

То, что она была самобытной, вне всяких сомнений. Но одного этого качества, как оказалось, недостаточно, чтобы быть адекватной экономическим реалиям. В частности, августовский обвал 1998г. и последовавший за ним осенью 1998г. инфляционный взрыв наглядно показали, что рубль в состоянии с величайшей легкостью ускользнуть из-под контроля ЦБР, и последнему ничего не остается, кроме как разводить руками, глядя на взбесившуюся национальную валюту.

К этому нужно добавить, что за прошедшие после 1998г. десять лет Центральный банк и правительство так и не смогли найти рычаги, способные эффективно противодействовать инфляционным процессам (2007-2008гг. тому лишнее подтверждение). А это значит, что остается лишь констатировать концептуальную слабость денежно-кредитной политики ЦБ России. А это не слишком солидный багаж для страны, собравшейся в длительный рыночный вояж, и тем более рассчитывающей на успехи.

2. "Аргентинский синдром"

Последние семь-восемь лет российская экономика развивается по некоему фантастическому сценарию. С одной стороны, невиданные за последние 30 лет темпы экономического роста: пять лет подряд 4-7% реального роста – это не шутка (табл.1). Но, с другой, шокирующие темпы инфляции: те же самые восемь лет по 12-36%. Только один раз – в 2006г. – официальный темп инфляции измерялся однозначной величиной.

Но даже высокие темпы инфляции – это только полбеды. Головная боль правительства – то, что фактические ее темпы в полтора-два раза выше планируемых: обещаются 9-14% за год, а в итоге выходит много больше, – словом, правительство проигрывает инфляции безнадежно.

Но картина хотя и поразительная своими крайностями – экономический

рост и неуправляемая инфляция одновременно – однако вовсе не беспрецедентная. Она представляет собой частный случай экономической ситуации, получившей название "аргентинский сценарий".

В начале XX столетия Аргентина считалась среди стран Южной Америки бесспорным лидером по уровню экономического развития, и ей уже прочили в экономике континента роль, сравнимую с местом США в экономике Северной Америки. Прогнозы не сбылись, но не это главное – есть момент куда более поучительный. Дело в том, что независимо от вектора экономического развития этой латиноамериканской страны – бурный рост, глубокий кризис или застой – вектор развития ее денежно-кредитной системы почти 80 лет был направлен строго в одну сторону на манер стрелки компаса: если не инфляция в той или иной версии (от гипер- до ползучей), то девальвация-то уж наверняка.

Как правило, данный сценарий порождает у правительств, испытавших на себе его прелести, так называемый "аргентинский синдром" – желание избежать инфляции: сначала всеми правдами, а когда они перестают давать результаты, то и всеми неправдами.

Мексика еще в 1982г. преподнесла своим гражданам, а заодно и заморским кредиторам, сюрприз ничуть не хуже того, что продемонстрировало российское правительство в августе 1998г.: девальвация песо на 40% и мораторий по долгам. Бразилия пять лет, начиная с 1994г., восхищала мир своим умением контролировать государственные расходы и инфляцию, но в конце концов у правительства сдали нервы, и оно не нашло ничего лучшего, как пустить обменный курс реала в свободное плавание. На грани долгового кризиса в 1999г. балансировали Чили. Аргентина просто чуть дольше остальных соседей по континенту (до 2001г.) выглядела более способной ученицей МВФ, но – сколько веревочке ни виться, а самый грандиозный в мировой истории дефолт теперь числится не за кем-нибудь, а именно за ней …

Но поскольку ни одно из применяемых в войне с инфляцией средств – как рекомендуемых МВФ, так и, наоборот, порицаемых им, – не дает положительных результатов, то логическим следствием "аргентинского синдрома" у национальных правительств становится в итоге стремление радикально избавиться от не поддающейся дрессировке национальной валюты. Выражается оно в отказе от национальной валюты как средства платежа. Сначала это отказ вынужденный, отказ де-факто, когда население голосует против родной валюты ногами, протаптывая тропинки к обменным пунктам, а правительство упражняется в торможении роста денежной массы. Но затем, начиная с определенной стадии, – отказ уже добровольный, де-юре.

Лет восемь назад Конгресс США собирался рассмотреть законопроект, направленный на привлечение в "долларовый блок" все большего количества развивающихся стран, использующих доллар в качестве национальной валюты. Предполагалось, что принятие подобного законопроекта может подстегнуть ряд стран Латинской Америки к более скорому введению доллара США; в частности, на тот момент Аргентина и Эквадор действительно рассматривали такую возможность. Надо ожидать, что последние события в Аргентине несколько остудят желание Соединенных Штатов покровительствовать ей, и Аргентине придется возвращаться к уже испытанным, более реалистичным способам мирного

сосуществования с инфляцией, как то: военные перевороты, политические дрязги, коррупция и криминал…

В то же время Эквадор заменил национальную валюту долларом и действительно добился экономической стабилизации. Но уж крайне мала эта страна, да вдобавок к тому же еще и нефтеносна, чтобы рассматривать ее как безусловный образец для всеобщего подражания. А если учесть, что и сами американцы немалые мастера устраивать "дефолты" (вспомним, чем закончился Бреттон-Вудский «пакт о ненападении»), то выводы тем более делать преждевременно.

Поэтому вовсе не исключен вариант, что в один прекрасный день с берегов Потомака будет озвучено, что только те американские доллары являются долларами, которые в данный момент находятся в пределах государственных границ Соединенных Штатов, а все остальные доллары – от лукавого. Словом, кто не спрятался – я не виноват…

Уже есть все признаки, что наша экономика незаметно для себя сползла в колею, несколько десятков лет назад выбранную для себя Аргентиной:

- в 1992–1998гг. у нас наблюдались и спад производства, и инфляция;
- 1998г. показал, что иммунитета против дефолтов у нас нет;
- в 1999–2007гг. мы имеем бурный однозначный (в смысле количества цифровых знаков) рост, но в то же время – двузначную инфляцию;
- наконец, 1992-1995г. и 1998-1999г. – это два периода, когда темпы вытеснения национальной валюты долларом были особенно высоки. Утверждать, что август 1998г. в нашей новейшей истории был последний раз, не решится никто, даже правительство – стабфонды при умопомрачительном золотовалютном запасе зря не создают.

Как мрачно прогнозирует М.Делягин, "…кризис разразится между осенью 2005 и осенью 2008 года"[1]. То, что происходит в мировой экономике последние полгода и особенно последний месяц, конечно, еще не обвал российской валюты, но событиям 1998г. тоже предшествовал азиатский финансовый кризис 1997г, который, казалось бы, ровным счетом ни к чему не обязывал российские финансы…

Чтобы параллели с Аргентиной были убедительнее, обратимся к сравнениям темпов роста потребительских цен, темпов роста цен на промышленную продукцию и изменения обменного курса рубля к основными мировым валютам. На большей части рассматриваемого периода это американский доллар, в последние годы – единая европейская валюта (табл.2).

[1] Шипицына Н. Буревестник // Московский комсомолец. 17 сентября 2003г. №202.

Таблица 2

Основные инфляционные показатели развития России за последние 19 лет[1]

Год (на 1 января)	Обменный курс RU к валютам (1989г.=1)	Темп роста потребительских цен (к 1989г.)	Темп роста цен промышленной продукции (к 1989г.)	Курс RU к валютам / темп роста потребительских цен [гр.1 : гр.2]	Курс RU к валютам / темп роста цен на промышленную продукцию [гр.1 : гр.3]
А	1	2	3	4	5
1989	**1,000**	**1,000**	**1,000**	**1,000**	**1,000**
1990	8,293	1,019	1,017	8,138	8,154
1991	26,829	1,067	1,045	25,145	25,674
1992	95,122	2,774	2,508	34,291	37,927
1993	365,9	72,4	51,4	5,053	7,116
1994	1 536,6	680,6	514,1	2,258	2,989
1995	4 329	2 178	1 696	1,988	2,552
1996	5 659	5 009	4 580	1,130	1,235
1997	6 780	6 011	5 955	1,128	1,139
1998	**7 268**	**6 612**	**6 550**	**1,099**	**1,110**
1999	25 183	12 192	8 070	2,066	3,121
2000	32 927	16 643	13 500	1,978	2,439
2001	34 341	20 005	18 725	1,716	1,834
2002	36 756	23 726	22 076	1,549	1,665
2003	38 659	27 474	25 851	1,407	1,495
2004	42 769	30 771	29 237	1,390	1,463
2005	44 190	34 371	37 511	1,286	1,178
2006	45 830	38 117	42 537	1,202	1,077
2007	46 176	41 815	47 812	1,104	0,966
2008	47 949	46 791	58 426	**1,020**	**0,820**

Представив данные из табл.2 графически (в целях удобства на логарифмической шкале), мы обнаруживаем волнообразный характер процессов в денежной сфере (рис.). Но это значит, что девальвационно-инфляционная гонка может не ограничиться двумя рывками лидирующей валюты (1989г. и 1998г.).

Экстраполируя нынешние темпы сходимости рядов динамики к оси абсцисс, которая здесь выступает в качестве условного графика обменного курса рубля, можно ожидать, что после затухающей инфляции в период 2000-0205гг. денежную систему подстерегает очередной промежуточный девальвационный

[1] Источники: те же, что и для табл.1.

Примечания: 1)на 1989-2002гг. и в 2005г. в качестве валюты принимается американский доллар; 2) на 2003-04гг. и в 2006-07гг. в качестве валюты используется единая европейская валюта. «Разборчивость» в выборе валюты есть вынужденная мера, обусловленная различной динамикой их кросс-курсов. В противном случае мы имели бы, что в долларах картина улучшается, а в единой европейской валюте ухудшается. А она не может быть и такой, и такой одновременно. Поэтому в качестве сравнительного «фона» использовалась динамика той валюты, которая оказывалась в том или ином периоде сильнее по отношению к рублю.

рубеж. В момент максимального сближения кривых с осью абсцисс (фактически он уже наступил), то есть когда цены в своем росте фактически догоняют обменный курс рубля (как это уже имело место в 1989г. и 1998г.), вновь появляется формально-логическое условие для девальвационного рывка лидирующей валюты. А это означает вероятность новой волны инфляционной погони рубля за долларом или евро (даже если лидерство захватит единая европейская валюта, то утешения немного).

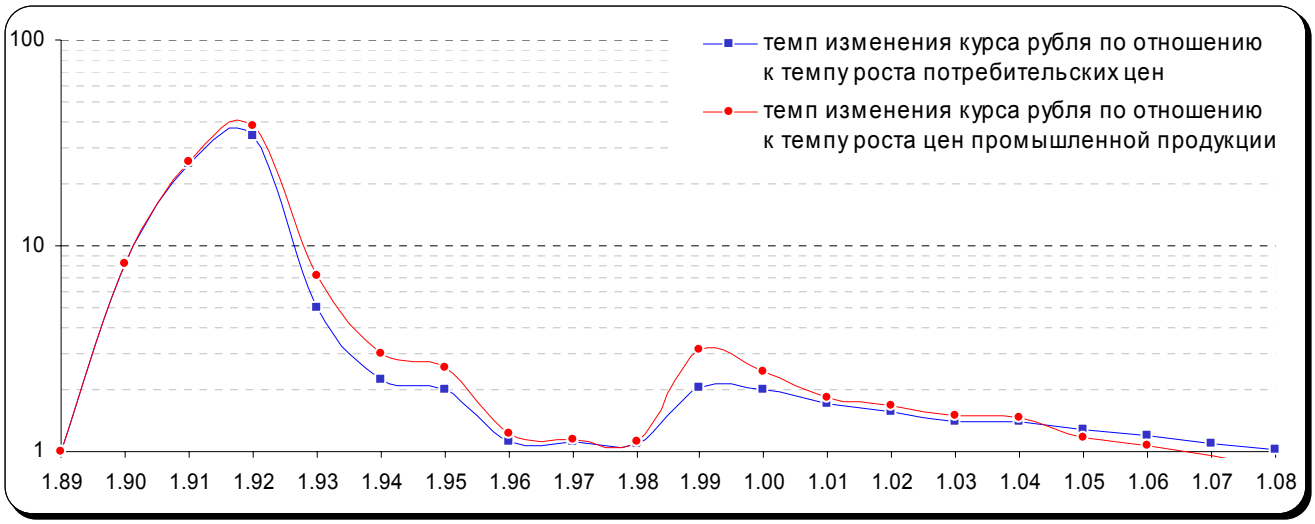

Рис. Соотношение темпов роста цен (потребительских и промышленных) и динамики обменного курса рубля

Путь даже этот прогноз и формален, но есть ряд косвенных аргументов в его пользу.

Во-первых, благодаря удачному стечению обстоятельств на мировом рынке нефти, а также благодаря трехлетней полосе невезения для западных стран, курс рубля почти два года неподвижен и, более того, даже склонен укрепляться, то есть выгодный для России мировой нефтяной рынок фактически воспроизводит эффект "валютного коридора" образца 1996-1998гг. В свою очередь, это означает, что цены особенно быстро сокращают дистанцию между собой и обменным курсом, и соответственно стремительно приближаются к опасной границе (оси абсцисс).

Во-вторых, у Центрального банка до сих пор нет внятной денежно-кредитной политики, о чем было сказано в предыдущем разделе, хотя ее наличие было бы отнюдь не лишним для страны со слабой национальной валютой.

В-третьих, и это самое тревожное, правительство не слишком оптимистично смотрит на будущее рубля и его позиции в сравнении с долларом. В этом убеждает программа социально-экономического развития страны на период до 2010г., разработанная в 2000г., основные цифры которой публиковались в периодической печати[1]. Согласно им, к 2010г. по сравнению с 1999г. потребительские цены должны были вырасти примерно в 2,3 раза, а обменный курс рубля в 1,7 раза (табл.3).

[1] Экономика и жизнь. 2000г. № 24.

Таблица 3

«Плановая» и фактическая макроэкономика России в 2000-2010гг[1].

Год	* Статус показателя («план», факт)	ВВП в текущих ценах, млрд.руб.	ВВП по обменному курсу руб./USD, млрд.USD	Валютные резервы на конец года, млрд.USD	Прирост реального ВВП за год, %	Прирост потребительских цен, %	Среднегодовой обменный курс, $^{руб.}/_{USD}$
А	1	2	3	4	5	6	7
1999	Факт	4 545	186	9	3,2	37,0	24,40
2000	План	5 837	205	19	5,0	13,0	28,40
	Факт	7 306	260	28	10,0	20,2	28,10
2001	План	6 964	229	24	4,1	10,0	30,30
	Факт	8 730	298	37	5,7	18,6	29,30
2002	План	7 907	234	33	4,6	11,0	33,80
	Факт	9 456	301	48	3,9	15,1	31,40
2003	План	8 990	261	35	5,1	9,0	34,50
	Факт	11 366	386	77	7,3	12,0	30,50
2004	План	10 023	284	39	4,7	7,0	35,20
	Факт	16 779	579	125	7,1	11,7	28,81
2005	Факт	19 799	700	182	6,4	10,9	28,27
2006	Факт	23 196	842	304	6,8	9,7	27,56
2007	Факт	28 007	1 101	476	7,9	11,9	25,44
2010	План **	18 932	457	52	5,2	6,0	41,30

Словом, здоровье национальной валюты – как внутри страны, так и за ее пределами – согласно имевшим место прогнозам, должно было основательно пошатнуться. Во всяком случае, никакое укрепление рубля в текущем десятилетии на официальном уровне не прогнозировалось.

То, что произошло в экономике уже после принятия программы (после 2000г.), выглядит еще более удручающе. По суммарному темпу инфляции страна уже сегодня вышла на прогнозный рубеж 2015г., то есть с опережением на 7-8 лет. Но, некоторое отставание фактического обменного курса рубля от прогнозируемого, как мы знаем, вполне компенсируется курсом по отношению к европейской валюте, то есть искать в этом пункте заслуги правительства и Центрального банка – занятие неблагодарное.

Итак, налицо противоречие, над которым мало кто из экономистов и политиков задумывается.

С одной стороны, правительство изо дня в день декларирует необходимость экономического роста с целью сближения с развитыми странами Европы, Америки и Азии. С другой же – оно считает, что этот прогресс будет сопровождаться ростом цен внутри страны (инфляцией) и дальнейшим ослаблением обменного курса рубля по отношению к мировым валютам, как это происходило в

[1] Примечания:
* В графах "План" приведены показатели программы, в графах "Факт" – соответственно фактические достижения экономики за соответствующие годы.
** Относительные показатели для 2010г. даны как прогнозируемые среднегодовые величины за период 2005-10гг.

течение последних 18 лет.

Но это есть нонсенс, ибо экономический рост не может протекать при слабеющей как внутри, так и вне страны национальной валюте. Во всяком случае, мировая история подобных примеров на сегодняшний день не знает, чему есть унылое подтверждение в лице "аргентинского сценария", и который в наши дни реализуется подавляющим большинством развивающихся стран.

Напротив, мировая история знает, пусть и немногочисленные, успешные примеры экономического оздоровления стран, которые происходили на фоне укрепления национальной валюты. В прошлом столетии это опыт Советского Союза 1922-1927гг. и 1945-1954гг., Германии 1921-1926гг. и 1945-1958гг., Японии 1945-1961гг., азиатских "тигров" и "драконов" 1970-1980гг. При всем различии политических и экономических нюансов оздоровления национальных экономик общим для них было то, что экономический рост в этих странах сопровождался укреплением национальной валюты и внутри страны, и на мировом рынке.

А потому правительственные прогнозы экономического роста нужно признать, по меньшей мере, несерьезными.

Если делать ставку на экономический рост, то одновременно нужно проводить курс и на укрепление национальной валюты как внутри страны, так и вне ее. Если же проводить сознательную политику дальнейшего ослабления национальной валюты, как это было заложено в программе, разработанной в 2000г., и к чему до сих пор предрасположен Центральный банк, то в таком случае в длительной перспективе нужно готовиться к хроническому застою и стагнации, время от времени переходящими в явный спад. Ожидать экономического роста, пассивно наблюдая при этом за медленной смертью национальной валюты, – думаю, не получится при всем старании; даже барон Мюнхгаузен и то не рисковал сидеть на двух стульях сразу.

Итак, неутешительный вывод из вышесказанного. При отсутствии сознательного и, более того, осознанного стремления правительства к укреплению национальной валюты наиболее вероятным вариантом развития для страны является дальнейшее ослабление национальной валюты, сопровождающееся углублением общего экономического отставания от развитых стран, то есть реализация "аргентинского сценария". А между тем желателен совсем другой вариант: признаваемое мировым экономическим сообществом укрепление национальной валюты на фоне экономического роста, позволяющего устойчиво сокращать отставание от развитых стран.

3. Параллели и аналогии

Однако было бы неправдой сказать, что правительство не предпринимает усилий, чтобы не забуксовать в колее, в которой в XX веке застряла вся Южная Америка. Однако, до сих пор безрезультатно, поскольку большей частью эти попытки из разряда тех, которые с подачи МВФ уже были апробированы в латиноамериканских странах и провалились.

В течение шести лет, в 1992-1998гг., правительственные кабинеты, руководствовавшиеся ортодоксальными концепциями инфляции, и в частности, положением неоклассической теории о том, что инфляция есть побочный нежела-

тельный продукт избытка денежной массы, были склонны считать, что раз инфляция порождается деньгами, то лучшее средство от нее – это торможение роста денежной массы, вплоть до полной натурализации обмена вообще (в полном согласии с утверждением, что наилучшее средство от перхоти – гильотина).

При этом правительственные кабинеты никак не хотели замечать многолетний опыт несчастных латиноамериканских стран, который невозмутимо говорил, что ставка на торможение роста денежной массы не оправдывает себя в состязании с инфляцией – даже как раз наоборот.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, сравним показатели денежного хозяйства различных стран мира за 1995г.[1] Конечно, это не самые свежие данные, но по причине отсутствия других приходится пользоваться хотя бы такими.

При анализе первоисточника обнаружилось, что распределение данного показателя для статистической совокупности из 55 стран не является унимодальным – она носит спектральный ("квантовый") характер. В частности, наблюдаются две подгруппы со своими модальными значениям скорости обращения денег и отчетливой границей в виде локального минимума:

Интервал скорости обращения денег	Число стран
от 0 до 0,9	4
от 1 до 1,9	21
от 2 до 2,9	10
от 3 и выше	20

Можно предположить, что страны с различной скоростью обращения денег имеют различную степень сбалансированности денежной массы по отношению к ВВП. Возможно, что страны со скоростью от 1 до 1,8 имеют оптимальную по отношению к ВВП денежную массу, страны со скоростью от 0,5 до 0,9 имеют избыточную по отношению к ВВП денежную массу и, наконец, страны со скоростью от 2,9 и выше имеют недостаточную по отношению к ВВП денежную массу. Эти качественные оценки – оптимальная, избыточная и недостаточная, – как будет далее показано в табл.4, являются вполне обоснованными, если принять во внимание дополнительные макроэкономические характеристики развития рассматриваемых стран.

В табл.4 к странам с оптимальной денежной массой отнесены государства, имеющие скорость обращения денег от 1 до 1,9; к странам с избыточной денежной массой – со скоростью обращения денег меньше 1; к странам с недостаточной денежной массой отнесены государства со скоростью обращения свыше 2,8. К последней группе – а есть основания полагать, что это подавляющая часть государств мира, – относится и Россия, скорость обращения денег в которой, хотя и постепенно снижается, но в настоящее время все еще составляет примерно 2,5.

[1] Россия в меняющемся мире. М.: ИЭА, 1997. С.571-574, 587-590.

Таблица 4

Сравнительные показатели скорости денежного обращения в странах мира[1]

	Страны с оптимальной денежной массой и умеренной скоростью обращения денег (21 страна)		**Страны с избыточной денежной массой и низкой скоростью обращения денег (4 страны)**		**Страны с недостаточной денежной массой и высокой скоростью обращения денег (30 стран)**	
	Страна	**Скорость обращения денег**	**Страна**	**Скорость обращения денег**	**Страна**	**Скорость обращения денег**
	Великобритания	1,0	Тайвань	0,5	Индия	2,1
	КИТАЙ	**1,0**	Гонконг	0,5	Индонезия	2,3
	Австрия	1,1	Швейцария	0,9	Чили	2,9
	Сингапур	1,2	**ЯПОНИЯ**	**0,9**	Мексика	3,3
	Германия	1,4			Бразилия	3,8
	Израиль	1,4			Колумбия	3,9
	Франция	1,6			Румыния	5,0
	Австралия	1,6			**АРГЕНТИНА**	**5,3**
	Канада	1,7			**РОССИЯ**	**8,1**
	США	**1,8**			Белоруссия	9,6
	ЮАР	1,9			Украина	12,0
Денежный и макроэкономический результат и «неофициальный» прогноз	Умеренная инфляция и устойчивый экономический рост сейчас и в перспективе		Нулевая инфляция на грани с дефляцией и хроническая рецессия; в перспективе – социально-экономическая автаркия (замкнутость)		Обременительная инфляция и кризисный тип экономической динамики сейчас и в перспективе	

Пропорции между двумя крайними колонками нужно понимать в том смысле, что при прочих равных условиях денежная масса у стран слева в несколько раз выше, чем у стран справа. Далее, помимо чисто количественных пропорций, у стран справа и слева есть и различие качественного свойства: если страны слева последние 10 лет прошли под флагом более или менее устойчивого экономического роста, то страны справа отметили это же самое десятилетие пышным букетом кризисов, дефолтов и социальных потрясений. Конечно, в 1999–2007гг. отечественная экономика демонстрирует чудеса роста, но если лет пять назад многие видели в этом признак экономического возрождения, то теперь оптимистов не осталось даже в правительстве: стране, считающей достаточной гарантией для уверенности в будущем солидный золотовалютный запас, стабфонды ни к чему. Гораздо более скептически, чем десятилетие назад, экономисты оценивают достижения Чили и Мексики; об остальных же странах из пра-

[1] Источники: те же, что и для табл.1.

вой колонки и говорить не приходится. Даже Индия и особенно Индонезия, которые, казалось бы, в середине 90-х годов были готовы вот-вот повторить рывок дальневосточных "драконов" и "тигров" (в пользу этого говорит и низкая скорость денежного обращения), после азиатского кризиса 1997г. заметно сбавили обороты экономического роста.

Таким образом, за 10 последних лет принадлежность государств к различным колонкам сохранилась и подтвердила, что на стабильный экономический рост вправе рассчитывать лишь страны с оптимальной денежной массой, в то время как странам с несбалансированной денежной массой не стоит надеяться на устойчивый экономический рост. Страны с избыточной денежной массой склонны преимущественно к рецессии (яркий тому пример – Япония и Тайвань), а периодически даже к обвалам; ну, а страны с зажатой денежной массой фатально обречены на прозябание, даже если бюджет готов лопнуть от "нефтедолларов". Из этого можно сделать эмпирический вывод о существовании корреляции между количеством денег в стране (оптимальное, избыточное или недостаточное), с одной стороны, и показателями ее экономической динамики (соответственно рост, рецессия или спад), с другой.

А потому главная задача национального центрального банка любой страны нам видится следующей: **удерживать скорость обращения денег в некоторых рамках**. В современных условиях данный интервал, видимо, составляет от 1 до 2 единиц, если измерять скорость обращения денег как отношение ВВП к денежной массе, – в противном случае функционирование экономики становится неустойчивым, кризисным.

Данный алгоритм допускает возможность не только роста денежной массы, но и ее уменьшения – все зависит от сложившейся на сегодняшний день скорости обращения денег. Российская экономика, чтобы покинуть группу стран из правой колонки (табл.4) и перейти в левую, в настоящее время нуждается в увеличении денежной массы. Оптимальный ее объем должен составить, согласно табл.4, примерно 1,5-1,6 единицы (столько, кстати, составляла скорость обращения денег в СССР в 1989г.).

Рост денежной массы в экономике не есть неизбежный толчок к росту цен, хотя именно этим пугают страну в течение 1992-2008гг. Сомневающимся настоятельно рекомендую вспомнить второе полугодие 1998г. В ту осень объем денежной массы (агрегат М2) в российской экономике вообще не менялся, а цены начиная с конца августа росли как на дрожжах. Тем самым они громили ортодоксальные теории инфляции, и прежде всего механизм инфляции в неоклассической концепции, да так, что вплоть до начала 2000г. в России никто даже не заикался, что количество наличных денег в экономике как-то способно отразиться на инфляции. "Раны" зажили лишь спустя полтора года, к весне 2000г., когда в прессе вновь стали появляться высказывания, какой же долей инфляции мы обязаны денежному фактору. Но поскольку подобная непоследовательность в трактовке связи денежной наличности и инфляции выглядит по меньшей мере странно, то нам хотелось бы повторить: появление в экономике новых дополнительных масс денег (через увеличение заработной платы, окладов, стипендий, пенсий и т.д.) не есть неизбежный стимул к росту цен. Их влияние на цены целиком и полностью зависит от того, какой рынок представляет эта экономика –

здоровый рынок или рынок только по ярлыку, повешенному на эту экономику когда-либо (допустим, 1 января 1992г.). Если рынок мыслит здраво, то рост денежной массы ему не во вред. Если же рынок имеет "аргентинскую патологию", то, увы, картина становится уже совсем иной – с дефолтами и беспомощностью национального банка.

Итак, сравнения с более удачливыми на путях экономического прогресса попутчиками показывают, что страна, не располагающая простором в денежной массе, вряд ли обретет простор для экономического роста. История последних десяти лет иного исхода не показывает.

Но возникают вопросы, которые можно также считать выводом статьи.

Возможен ли **рост денежной массы** (вывод из третьего подраздела) одновременно с **укреплением национальной валюты как внутри страны, так и по отношению к мировым валютам** (вывод из второго подраздела)?

И как эти, на первый взгляд, несовместимые, феномены закрепить в виде долговременной экономической и **денежно-кредитной политики**, которая сегодня, строго говоря, пока еще отсутствует (вывод из первого подраздела)?